

Мар. Меч императора

Автор:

Александра Лисина

Мар. Меч императора

Александра Лисина

Мар #3

Беглый преступник, предатель короны... Вот кем теперь считают Мара эль Ро. Находиться в империи ему небезопасно. Но, будучи не в силах нарушить магическую клятву и уехать из страны, он отправляется в одно из самых опасных мест на Тальраме. Туда, где выжить удастся немногим, зато никому нет дела до чужого прошлого. И пусть теперь за Маром охотятся не люди, а драхты... что ж, хорошему убийце везде найдется работа. Особенно если он – бывшая тень и ставший ненужным меч великого императора.

Александра Лисина

Мар. Меч императора

Пролог

– Пош-шел! – с чувством произнес я и хлопнул гнедого по лоснящемуся крупу. Конь обиженно заржал и, по привычке стартанув с места в карьер, помчался к виднеющимся вдалеке воротам.

Бросать такого красавца в лесу было жалко, поэтому возле первой же деревни я спешил, снял сбрую и седло, обмазал спину нервно фыркающего коня

кабаньей кровью и отпустил на все четыре стороны. В качестве средства передвижения он был не нужен, а тащить его с собой просто так какой смысл? Корми его, пои, чисти... Его даже продать вдали от столицы проблематично. Нормальную цену за породистого скакуна с крестьян не возьмешь, а отдавать за бесценок значило вызвать подозрения. Пусть уж лучше гнедыш в таком виде прискачет к людям – взбудораженный, с вытаращенными глазами, весь в крови. Когда люди герцога всерьез возьмутся за поиски «графа эль Нойра», о котором им, само собой, доложит стражник на городских воротах, они всю страну перевернут, каждую пядь земли перекопают. И, разумеется, найдут те немногочисленные следы, которые я оставил.

А у меня амулет иллюзий сдох. Одежду я, правда, сменил и от чужого оружия избавился, но зачем имперским ищейкам давать повод что-то заподозрить? Помер графенок и помер. Ну а то, что тела не нашли, – бывает. Разбойники на дорогах все еще пошаливают, а дикому зверью все равно кого жрать, простолюдина или целого графа.

Проследив с холма, как коняга летит к деревне, я кивнул ожидающемуся в сторонке Ворчуну:

– Ну что, поехали?

Зверь, который за три прошедших года из лопухого щенка превратился в могучего, желтоглазого и смертельно опасного хищника, оскалился. Он проворно вырыл яму под ближайшим кустом, закопал туда конскую сбрую. И спустя пару минут мы уже во весь опор мчались прочь, с каждым мгновением оставляя безымянную деревню все дальше.

Признаться, поначалу я собирался направить стопы на север, где народу поменьше и где уже всю строились верфи для имперских воздушных судов. Хотелось не просто затеряться в снегах, но и своими глазами взглянуть, что получилось из ненароком поданной его величеству идеи. Однако по здравом размышлении я понял, что это плохая мысль: пока идет строительство, там будет крутиться масса наблюдателей, проверяющих, всевозможных инспекторов и магов, которые могли знать бывшую тень императора в лицо. Да и сам Карриан наверняка туда наведается, так что светиться лишний раз было неразумно.

Конечно, оставался вариант затихариться где-нибудь в горах на пару с Ворчуном. Или же податься в его прежнюю стаю. Но при одной только мысли о спокойной жизни магическая печать начинала яростно жечь. И неудивительно, я же поклялся служить империи, и я должен служить. Где угодно, как угодно...

Но куда податься? В солдаты? В наемники? В разведчики?

Каменщика, лесоруба или плотника из меня точно не получится. Конфликт с ашеярами империя вроде решила. На западе и востоке соседи оказались на редкость смирными, поэтому в ближайшие годы войны там не предвиделось. Оставался только юг.

И вот тогда-то я неожиданно вспомнил, что некоторое время назад интересовался крепостью Ойт.

Ворчун на мое предложение только фыркнул – ему было все равно, где охотиться. А на намек, что в тех краях гораздо теплее, чем в Искристых горах, брат буркнул что-то вроде «несущественно» и «не важно». Теперь я был его стаей и вожаком, которого он добровольно выбрал. Поэтому вместо севера мы двинулись на юго-запад империи. В самую что ни на есть медвежью дыру. А точнее, в одну маленькую, пограничную, забытую всеми богами провинцию, куда уже много лет не совали нос столичные ищейки.

Глава 1

Крепость Ойт я увидел только в конце желтенья[1 - Желтень – первый месяц осени.]. Даже с помощью Ворчуна раньше добраться до нее не удалось. Почти три недели заняла непосредственно дорога. И недели полторы я потратил на поиски замены оставленным во дворце клинкам.

К сожалению, чем дальше от столицы, тем сложнее было найти толкового мастера, но в итоге, посетив шесть городов и четыре больших села, я все-таки отыскал нужного человека и после отчаянного торга заполучил неплохую пару мечей, к которым еще следовало подобрать нормальную перевязь. Они были гораздо длиннее, чем мои старые, поэтому о скрытом ношении речь уже не шла.

Но сейчас в этом не было необходимости – я ехал в Ойт как обычный воин, а не как тень императора.

Еще двое суток ушло на работу мастера-кожевника. Потом день – на подгонку обновки. Наконец, экипировавшись как положено и прикупив походных мелочей, я ощутил, что готов отправиться хоть к драхту на рога.

Само собой, просто так в Ойт меня бы никто не впустил: чтобы попасть на имперский военный объект, недостаточно было просто постучать в ворота и крикнуть – народ, ау, возьмите на постой!

Сперва следовало найти рекрутский пункт, который имелся почти в каждом имперском городе. Затем записаться в армию добровольцем. Полгода или даже больше проторчать в тренировочном лагере, изображая из себя черт знает что. Сделать во время учебы нечто противозаконное, дабы заслужить почетную ссылку в забытую всеми богами провинцию Карраг. И вот только после этого я мог на законных основаниях приступить к несению военной службы.

Естественно, подобный вариант меня не устраивал. Военная муштра, пребывание в полной вшей и клопов казарме... нет, это не по мне. Да и как бы я объяснил Ворчуну, зачем понадобилось запирать себя в четырех стенах? К тому же людей я не любил, в последнее время особенно. В компании не нуждался. Выживать в дикой природе умел. И в итоге пришел к выводу, что в самой крепости Ойт мне появляться необязательно: служить империи можно и без свидетелей. Тем более что ни жара, ни холод меня не смущали, да и денег у графа эль Нойра я прихватил достаточно. Поэтому в данный момент не сидел на стуле напротив армейского ветерана, подписывая многочисленные бумажки, а занимался тем, что с высоты ближайшего холма изучал виднеющуюся внизу крепость.

Стояла она аккурат между двух цепочек Каррагских холмов. В месте, где широкая и быстрая речка Истрица делала громадную петлю, окружив крепость естественной водной преградой. На западном берегу, сразу за пологим склоном, виднелась протяженная полоса Истрицких лесов. С востока, откуда пришел я, к крепости вела широкая, хорошо укатанная дорога, которую не так давно подсыпали заново и которая даже по весне не должна была превратиться в кашу.

Проход к самой крепости ограничивали толстые каменные стены высотой с шестиэтажный дом. За ними виднелся просторный двор, отлично укрепленный донжон, масса хозяйственных построек – все как положено. Вторых ворот, обращенных к реке, я со своего наблюдательного пункта не видел, но судя по наличию моста, вплотную подступающего к западной стене, они все-таки имелись. Причем если опоры моста были сделаны из камня, то настил оказался деревянным. Но оно и правильно – в случае нападения его можно по-быстрому сжечь, тем самым заставив противника переправляться через реку вплавь и потом карабкаться по каменистому, почти отвесному восточному склону. А зимой этот самый склон наверняка еще и водичкой обливали. Поди по такому залезь на высоту трех-четырех человеческих ростов. Все когти с зубами обломаешь. Если, конечно, раньше тебя не снимут оттуда арбалетчики.

Насколько я успел понять, Истрица бродами особо не изобиловала, была речкой глубокой, быстрой и небезопасной. Во время половодья, если местные не врут, вода в ней поднималась почти до мостов... в смысле до последнего уцелевшего моста. Конкретно вот этого, потому что остальные были еще пару веков назад сожжены по приказу императора.

Пока я глазел по сторонам, остро сожалея об отсутствии бинокля, с одной из надвратных башен, обращенных к восточной дороге, донесся вопль сигнального рожка. А минут через десять восточные ворота крепости натужно заскрипели.

Я оглянулся.

Ночью мы с Ворчуном видели караван, стоявший на стоянке часах в шести конного хода отсюда, и к полудню они как раз доползли до места назначения. Вероятно, снабженцы. Привезли в крепость провизию, оружие и товары первой необходимости. Ближайший город – Одеш, больше напоминающий хорошо укрепленное поселение тысячи этак на три человек – располагался в неделе пути отсюда, а деревни и того дальше. Считай, от Одеша вплоть до Истрицы ни одного обитаемого села на востоке провинции не осталось. Тем не менее я нигде не видел признаков поспешного бегства – люди покидали эти места не год и не два. Делали это постепенно, тщательно собрав весь скарб и выведя из хлевов скотину. Так что ни забытых вещей, ни брошенных впопыхах телег, ни домашней утвари в деревнях не осталось. Зато дома здесь строили на века, так что при нужде я мог любой из них использовать в качестве временного пристанища.

Пока тяжело груженные телеги ползли к раскрытым воротам, я окинул крепость вторым зрением и насчитал внутри около полутора сотен человек. Большинство аур виднелось на стенах или в казармах, которые находились неподалеку от западных ворот. Примерно четверть – в донжоне, причем почти половина имела явные призраки принадлежности к магам. Человек десять простых смертных при виде гостей вышли наружу, оцетинившись арбалетами и внимательно поглядывая на близлежащие холмы. А вскоре после того как караван втянулся внутрь и восточные ворота закрылись, из западных выехал вооруженный отряд человек на тридцать и, прогрохотав по мосту, углубился в лес, рассыпавшись там на шесть групп.

Ага. Значит, они еще и разъезды делают... Ладно, учтем. Как и то, что в каждом отряде имелось как минимум по одному магу. Судя по аурам, огненному, хотя деталей не разглядеть – далеко.

Я отполз от края холма, на котором устроил наблюдательный пункт, и обернулся к лежащему под соседним кустом волку:

– Ну что, Ворчун, жарко?

Зверь пренебрежительно фыркнул.

Да, в зимней шубе ему было некомфортно, хотя и не настолько, чтобы говорить о возвращении. Дышал он шумно, то и дело облизывал мокрый нос, однако, вопреки всему, климат в Карраге оказался намного мягче, чем я предполагал. В конце желтенья температура на улице стояла всего градусов пятнадцать в плюсе. Ночью – порядка семи – десяти. То есть в общем-то обычная осень. Может, слегка теплее, чем в Орне. Так что если тут и зимы окажутся, как на моей прежней родине, мы с Ворчуном здесь приживемся.

– Не хочешь пробежаться по округе и поискать логово на ночь?

Волк с готовностью вскочил.

– Вот же энерджайзер лохматый, – усмехнулся я, поражаясь про себя выносливости брата, и через несколько минут крепость Ойт осталась далеко позади.

Бросив вещи под приметным деревом, мы наскоро обежали округу, но до вечера хорошего жилья не нашли. Зато обнаружили весьма любопытный феномен: вдоль восточной цепочки холмов, примерно в паре рисаннов от Истрицы, между деревьями были натянуты рыбацкие сети. Невысоко, примерно по пояс взрослому человеку, но непрерывной полосой, конца которой мы с Ворчуном до темноты так и не увидели. А еще по всему берегу в землю были воткнуты непонятного назначения артефакты. Внешне они выглядели как короткие деревянные трости с набалдашниками. Но если посмотреть на них вторым зрением, то становилось ясно, что верхушки артефактов испускают ядовито-зеленое свечение. Не особенно яркое днем, но прямо-таки бросающееся в глаза ночью.

Трогать непонятные штуки я не стал, но, порывшись в памяти, так и не смог понять, к какой разновидности магии они относятся. Никогда подобного не видел и в книгах о таком не читал.

Заподозрив, что «трости» стоят здесь не просто так, я взобрался на соседний холм и, глянув на пространство между рекой и лесом, довольно кивнул: это и впрямь была система. На берегу Истрицы артефакты стояли довольно плотно, метрах в пятидесяти друг от друга. Вторая линия находилась примерно на середине расстояния между руслом реки и загадочными сетками, но при этом содержала почти вдвое меньше зеленых огоньков, чем первая. Наконец, третья линия, самая бедная на артефакты, шла еще восточнее, длинной цепочкой, шагах в пятидесяти от второй. И тянулось все это безобразие на несколько рисаннов в обе стороны от крепости, имитируя то ли минное поле, то ли поле для волшебного гольфа.

Еще бросалось в глаза, что дичи в этой части Истрицких лесов не было – ни птиц, ни зверья. Только комарье настойчиво звенело над ухом да бабочки со стрекозами порхали туда-сюда. Отсутствие добычи вскоре подтвердил и Ворчун. Так что если бы я не закупился провизией заранее, ложиться спать нам пришлось бы голодными.

Для ночлега решили приспособить старое-престарое волчье логово, которое брат отыскал ближе к ночи. Располагалось оно с восточной стороны от натянутой через лес сетки, и мы рассудили, что раз за ее пределами никто не удосужился выставить огоньки, а сами сети не были повреждены, то здесь более или менее безопасно. Правда, спали мы все равно вполглаза, но до утра нас никто не потревожил. А когда вскоре после рассвета мы снова выдвинулись по

направлению к крепости, то примерно на полпути обнаружили... хм, сюрприз. Причем сюрприз не особо приятный, при виде которого Ворчун замер как вкопанный, а я удивленно присвистнул.

Оно стояло на берегу реки, понуро опустив голову и уронив вдоль костлявого туловища неестественно длинные руки. Впрочем, руками эти штуки называть было не очень правильно – на каждом из четырех многосуставчатых пальцев виднелись таких устрашающих размеров когти, что иначе, как хапалками, эти клешни было не обозвать.

Кожа у твари оказалась темно-зеленой, гладкой, блестящей. И создавалось впечатление, что снаружи ее покрывало нечто вроде слизи. Росту в существе было метра два. Худое до отвращения. Все какое-то кривое, непропорциональное, словно мутировавший прямоходящий кузнечик. Длинные, согнутые в коленях и похожие на узловатые корни ноги. Полукруглые, наползающие друг на друга хитиновые пластины, которые надежно прикрывали живот и грудь. Сидящая на тонкой, защищенной черными чешуйками шее голова с вытянутым назад черепом чем-то напоминала «чужого» из знаменитого ужастика Ридли Скотта. За исключением того, что у существа не было глазниц. Зато ротовая щель оказалась огромной. Думаю, что влез бы туда целиком, если бы тварь как следует разинула пасть.

Правда, в данный момент ей было не до меня – черно-зеленый кошмарик оказался всецело поглощен торчащей из земли «тростью». Причем до такой степени, что пускал на нее липкие слюни, медленно-медленно раскачиваясь из стороны в сторону в такт слышной только ему мелодии.

А еще у него был хвост. Ну как хвост... длинный черный отросток, больше похожий на хлыст. Кончик его пропадал в траве, так что наличие или отсутствие шипа я высмотреть не мог. Но открытие было интересным.

Осторожно спустившись на землю, я ползком подобрался к твари поближе и выглянул из-за куста. Рядом приглушенно заворчал волк, но я показал ему кулак, и Ворчун послушно замолчал. Существо нас так и не заметило. Похоже, его ничего, кроме «трости», не интересовало. А когда я посмотрел на него вторым зрением, то понял причину такой невнимательности: оказывается, драхт – а это был именно он – не просто так чах над артефактом. Выпустив из пасти

полупрозрачные усики, монстр обвил ими деревянный набалдашник и вытягивал из него магию. Медленно, с явным трудом, кошмарик пил ее, как коктейль через слишком узкую трубочку. И был настолько поглощен процессом, что не обратил внимания на появившихся из леса, вооруженных до зубов, упакованных в доспехи всадников. И не услышал собачьего лая, при звуках которого мы с Ворчуном одновременно встрепенулись.

Только собак тут не хватало!

На наше счастье, конный разъезд в количестве пяти всадников и поджарого, похожего на помесь борзой и гончей пса двигался достаточно далеко от облюбованного нами убежища. Вдоль реки. Вернее, вдоль первой линии «тростей». Да и ветер дул в нашу сторону, так что от пса ждать неприятностей пока не следовало.

Воины тем временем увидели тварь и пришпорили коней, даже не пытаясь соблюдать конспирацию. Кошмарик все еще самозабвенно пил свой «коктейль». Собака яростно лаяла. Но он будто не слышал. И встрепенулся лишь после того, как один из всадников на полном ходу раскрутил, а затем запустил в тварь местный аналог бола[2 - Бола (болас, болеадорас) от исп. bola - «шар» - охотничье метательное оружие, состоящее из ремня или связки ремней, к концам которых привязаны обернутые кожей круглые камни.], после чего драхт грохнулся навзничь, а нити, связывавшие его с артефактом, оборвались.

Именно в этот момент с монстром произошла удивительная метаморфоза: сбросив оцепенение, он яростно зашипел, а затем с невероятным проворством извернулся и полоснул когтями по опутавшим лапы веревкам. Раздался треск. Обрывки пут упали на землю. Драхт молниеносно вскочил, продемонстрировав поистине фантастическую скорость, но тут один из всадников метнул в него копье, и кошмарика буквально отшвырнуло на ближайшее дерево, прищипив к стволу тяжелым металлическим наконечником.

Правда, убить его это не убило; издав еще одно яростное шипение, драхт одним ударом лапищи переломил копье пополам. Однако мозгов выдернуть его у монстра уже не хватило. Пока он безуспешно царапал лапами пробитую глотку, его уже окружили со всех сторон. Захлебывающийся лаем пес цапнул бедолагу за хвост, оттянув его в сторону и при этом оказавшись вне досягаемости когтей. Воины тем временем покинули седла, на ходу выдергивая кто меч, кто топор. После чего ловко обрубали драхту сперва одну, а затем и вторую лапу. Так же

незатейливо избавили его от нижних конечностей, забрызгав всю округу ярко-зеленой кровью. А когда он перестал представлять угрозу, принялись ожесточенно рубить покрытую чешуей шею, успокоившись лишь после того, как тяжелое тело с гулким стуком ударилось о землю.

Я в это время молча оценивал работу команды.

Похоже, для них это была привычная практика. Как только драхт затих, пес тут же выплюнул хвост и отбежал в сторону. А воины подтащили мертвую тварь к воде, после чего принялись сновистово разделявать тушу, привычно и умело просовывая лезвия в узкие сочленения между пластинами.

Минут через десять на берегу остались лежать лишь белесовато-зеленые внутренности, больше похожие на заплесневелую кашу. Весь хитин, даже чешуйки с горла, незнакомцы аккуратно срезали, прополоскали в реке, после чего побросали в мешки и, запрыгнув в седла, двинулись дальше. А вот отрубленную голову они почему-то не забрали. Более того, к ней вообще никто не притронулся. Хотя с остальным телом ребята возились спокойно и даже не надели перчаток.

Когда стук копыт и собачий лай затихли вдали, мы с Ворчуном спустились к реке.

Фу, что за вонь!

Я скривился: несло от останков, словно от кучи гнилого мяса, успевшей частично разложиться на солнце. По внешнему виду впечатление было аналогичным, но при этом я не увидел ни кишок, ни остального ливера, что несколько озадачивало. И что самое интересное, белесовато-зеленая масса протухала прямо на глазах, словно под действием солнца в ней резко усилились процессы гниения. Всего через двадцать минут у меня под ногами растеклась и принялась быстро впитываться в землю тухлая вода с ошметками плоти. Но и среди них я, как ни старался, не нашел ни единой кости.

Одна голова осталась лежать, как лежала, и только она умудрилась не стухнуть, каким бы странным это ни выглядело. Наверное, потому что хитин в данном случае сыграл роль экзоскелета?

Я присел на корточки, чтобы изучить голову монстра повнимательнее, и тут Ворчун сердито рыкнул.

– «Не тронь, – молча посоветовал он, остановившись вдалеке от трупа. – Плохой запах. Опасно».

Я благоразумно убрал руку и взял палку.

Повертев «чужого» так и этак, я действительно не нашел на черепе следов привычных всему живому органов чувств. Ни усиков, ни антенн, ни глаз, ни ушей, ни каких-либо бугорков или отверстий, которые могли подсказать, как эта штука устроена и каким местом ориентируется в пространстве. Одна только пасть – широченная, с тремя рядами треугольных зубов. Язык узкий, раздвоенный, как у змеи или ящерицы. А на нем – огромный комок то ли слюны, то ли соплей, к которому очень не хотелось прикасаться.

Я потыкал палкой в приоткрытую пасть.

Угу. Наткнувшись на особенно длинный зуб, вокруг которого имелся подозрительный валик, деревяшка словила пару капелек слизи и тут же почернела. Так. Значит, руки туда совать не следует. Похоже, помимо слюны у уродца есть еще и кислота в особых железах. Надеюсь, он ею хотя бы не плюется?

– Давай-ка прогуляемся, – бросил я волку, поднимаясь на ноги. – Посмотрим, куда и зачем поехали наши друзья.

Ворчун сморщился, а затем оглушительно чихнул – вонь донимала его гораздо сильнее, чем меня. Но спину все же подставил и, взобравшись на пригорок, откуда мы недавно спустились, потрусил на север, по следам уехавшего отряда.

Следить за ними оказалось скучно, но мне позарез была нужна информация. Во время пребывания в Орне я слышал о драхтах совсем немного. В основном байки, сплетни, обычные детские страшилки, тогда как конкретной информации оказалось с гулькин нос.

В частности, я знал, что появление драхтов спровоцировала магия первого императора, когда тот огнем и мечом явился покорять некогда свободный Карраг. Каррагцы оказались упрямыми, поэтому на их завоевание армия императора потратила немало времени и сил. Но в конечном итоге все решила именно магия. Темная, разумеется. Зерно которой, зароненное в эту землю около тысячи лет назад, с годами не только не погибло, но и проросло в нечто непонятное, уродливое. В совершенно иную форму жизни, выкорчевать которую не удавалось уже много веков.

Кто-то утверждал, что драхты – это перерожденные люди, чьи потомки некогда населяли эту землю. Кто-то считал, что зеленокожие монстры – это нежить, которую магия заставила восстать из мертвых. Высказывалась также мысль, что в двуногих кошмариков мутировали какие-то животные. Но большинство все же сходилось во мнении, что в Карраге творилась суцкая чертовщина, поэтому нормальным людям следовало держаться отсюда подальше.

По этой же причине желающих служить в крепости Ойт находилось немного. Но император нашел изящный выход из ситуации, поэтому с его разрешения в Карраг уже не первый год ссылались преступники, проштрафившиеся офицеры, говорят, даже маги. Да и получить амнистию за некоторые прегрешения теперь было достаточно просто – следовало лишь отслужить в Карраге определенный срок. Чем тяжелее преступление, тем соответственно дольше. И вот если тебе удастся выжить и не стать калеккой, то твое дело по окончании срока службы может быть повторно рассмотрено в суде. И может быть – необязательно, но возможно – император даже согласится заменить смертный приговор на более мягкое наказание. Например, на каменоломни.

Собственно, Ойт тоже в некотором роде являлся тюрьмой. Только в качестве надзирателей здесь выступали комендант и его приближенные. А в качестве добровольных охранников – рыскающие по округе твари.

Бежать из Ойта было по большому счету некуда – до ближайшего населенного пункта не меньше недели конного пути. И ни в один нельзя было войти без специальной магической отметки в подорожной. Конный ты или пеший, богатый или нищий – никто не откроет ворота, не увидев метку, особенно после наступления темноты. Это был вопрос выживания. Так что одинокому беглецу попросту некуда было податься. Да и драхты, если молва не врет, порой забирались достаточно далеко от Ойта – не зря же с годами окрестные деревни обезлюдели.

Насчет силы и скорости тварей информация подтвердилась: при наличии добычи обычно неторопливые и сонные монстры проявляли недюжинную прыть. Однако как они при этом умудрялись отыскивать живых, до сих пор оставалось загадкой. Бывали случаи, что драхты нападали в полнейшей темноте, в абсолютной тишине, причем безошибочно находили добычу. Но при этом проходили мимо там, где зрячий или слышащий обязательно бы заметил.

Говорили, что какой-то охотник спасся, швырнув в морду твари еще живого кролика. И драхт не стал преследовать человека, хотя по идее семьдесят – восемьдесят кило чистого мяса были для него гораздо ценнее тощего кролика. Еще кто-то якобы умудрился выжить, среди белого дня забравшись в болото. Тварь прошла всего в двух шагах от насмерть перепуганного счастливчика, но ничего не заметила. Притом что бедняга, как уверяли, беспрестанно стучал зубами, громко икал и со страху успел обмочить штаны.

Также ходили слухи, что быстрее всего драхты замечали магов и тех, кто имел при себе амулеты. И абсолютно все сходились во мнении, что убежать от драхта на своих двоих было нереально: если уж тварь напала на след, то все. Они даже верхового догоняли с легкостью. Однако добычу обычно не ели, а утаскивали в лес. Зачем и для чего, мнения высказывались самые разные, но, полагаю, слухи о перерождении появились не на пустом месте...

Именно об этом я думал, когда Ворчун снова подал голос. А еще через пару мгновений у реки послышались шум, крики и шипение сразу нескольких голосов, что наглядно свидетельствовало: отряд из Ойта вляпался в неприятности. Причем по самое не балуй.

Глава 2

Первым, что я увидел, приблизившись к берегу, был довольно крупный драхт, пускающий слюни возле «трости». Стоял он у кромки леса, старательно высасывая из набалдашника магию, и даже понятия не имел о драме, которая развернулась шагах в сорока за его спиной.

Похоже, отряд, заметив одинокого монстра, опрометчиво рванул вперед, намереваясь прибить тварь, пока заряд в артефакте не кончился. Набалдашник и впрямь светился довольно тускло, из чего можно было сделать вывод, что монстр стоял тут довольно давно. Однако когда всадники спешили, то оказалось, что драхт пришел сюда не один: судя по следам на берегу, на мужиков напали из воды. Две твари, которые с огромной скоростью вылетели на берег, до неузнаваемости изуродовали оставленных без присмотра лошадей, а потом нацелились на сгрудившихся, оцетинившихся копьями воинов.

Я заметил эту неприглядную сцену в тот самый миг, когда на земле уже лежало пять изувеченных конских трупов. Неподалеку заходилась в бешеном лае охромевший пес, а твари одновременно ринулись в атаку. Причем быстро. Слишком быстро для живых существ. Неудивительно, что все закончилось в считанные мгновения.

Ударить в сочленения между хитиновыми «доспехами» воины попросту не успели, а с нагрудных пластин наконечники соскользнули, не причинив монстрам никакого вреда. Без труда сломав строй, твари разметали людей в разные стороны и молниеносно прикончили, кого разорвав на части, не обращая внимания на доспехи, а у кого просто отгрызли закрытые шлемами головы.

Одновременно с броском драхтов пес прекратил выть и со всех лап кинулся прочь. Раненный, он бежал не слишком ловко, но все же с приличной скоростью. Однако как только он сорвался с места, одна из тварей отвлеклась и без единого звука кинулась вдогонку.

Ей понадобилось всего шесть гигантских прыжков, чтобы настигнуть улепетывающую во все лопатки собаку. Прямо на ходу драхт разинул широченную пасть, подцепил лапой взывшего от боли пса, ловко подбросил его в воздух и, подпрыгнув, заглотил прямо так, целиком, не удосужившись даже пережевать. И это притом что размеры собакен имел как у упитанного лабрадора, однако драхт не подавился, не поперхнулся. Только клацнули зубы, гулко сомкнулась пасть, и все – ни крови, ни шерсти. После чего монстр развернулся и лениво потрусил обратно, волоча по земле раздувшееся брюхо.

Скорость расправы меня впечатлила. Это и впрямь было очень быстро. Более того, когда на берегу не осталось живых, в реке показалось тело еще одного кошмарика. Буквально на миг из-под темной воды выглянула уродливая голова, раскрыла пасть, снова ее закрыла и без плеска исчезла.

Так и не увидев на реке пузырей, я всерьез озадачился.

Это что же, они еще и не дышат?

Да что ж это за твари такие? Неужто и впрямь нежить?!

Пока я размышлял, монстры принялись пожирать еще теплые тела. Просто откусывали от них громадные куски и глотали не жуя. Причем влезало в них на удивление много. Вдвоем драхты умудрились сожрать пять человек вместе с одеждой и амуницией. Когда их животы раздулись так, что на них стало страшно смотреть, тот драхт, что таился в реке, тоже присоединился к трапезе, с ходу заглотив половину коняги. Еще минуты через две вода в реке снова забурлила. Оттуда выползли три новые твари, благополучно подчистивших берег до конца. Наконец, когда на берегу остались лишь сломанные копья, седла и оказавшиеся бесполезными мечи, драхты, с явным усилием доковыляв до реки, дружно нырнули. А чуть позже выбрались на противоположный берег и принялись карабкаться на пологий склон, больше не порываясь вставать на задние конечности.

Тем временем прикорнувший возле артефакта драхт так и пускал слюни, не соблазнившись видом растерзанных тел и не учуяв запаха крови. Когда его раздувшиеся от жадности приятели исчезли в лесу, он как раз закончил пить магию из набалдашника и лишь после этого соизволил обернуться.

Когда это произошло, я взглянул на него вторым зрением и тихо присвистнул: оказывается, тварь не просто всосала в себя магию – у нее появилось нечто, смутно напоминающее ауру! Правда, она была совсем куцей и состояла всего из одной ядовито-салатовой нити, идущей от затылка драхта до утолщения в основании хвоста, но она была! И это с ног на голову переворачивало сложившееся у меня представление о тварях, потому что, как ни крути, аура могла быть лишь у живых.

Признаться, я ожидал, что последний драхт отправится вслед за товарищами – перекусить или там дележку устроить. Для обычного зверя это было бы естественно. Но вместо этого монстр неопределенно покрутил башкой, а затем двинулся в противоположную сторону, заставив меня озадаченно крикнуть.

При этом тварь двигалась целенаправленно, словно видела перед собой некий ориентир. На деревья и пни не натыкалась, то есть каким-то образом все же различала препятствия. На мелькнувшую перед носом шустрюю стрекозу среагировала шипением, молниеносным поворотом головы и внезапной остановкой. Но потом отвернулась и спокойно продолжала свой путь.

Держась на почтительном расстоянии, я следовал за неторопливо топающим монстром, пытаюсь понять, что им движет и как он умудряется ориентироваться в пространстве. Причем до того увлекся, что совершенно упустил из виду Ворчуна. И спохватился лишь после того, как брат устал ползти за мной по земле и поднялся во весь рост, намереваясь и дальше следить за чудовищем с приличного расстояния.

Как только волк выпрямился, драхт замер и медленно-медленно повернул башку в нашу сторону. Я мысленно выругался. Ворчун зарычал. Но прежде чем он бросил твари вызов по всем правилам, я тоже вскочил, с разбегу запрыгнул на волчью спину и крикнул:

– Гони!

Брат сорвался с места, как выпущенный из пращи камень. Обхватив его руками за шею и вцепившись пальцами в жесткую шерсть, я тихо костерил свое невезение и очень-очень просил Ворчуна бежать быстрее. Следить за драхтом в таком положении было до крайности неудобно, но мне хватило и шипения вместе с быстро (слишком быстро!) приближающимся топотом.

На мгновение обернувшись и обнаружив стремительно несущуюся тварь в каких-то двадцати шагах позади, я рыкнул:

– Левее! К сетям, Ворчун!

Что уж меня сподвигло принять такое решение, не знаю. Быть может, то, что натянутые среди леса веревки очень уж походили на ограничительный знак. Или тот факт, что мы до сих не видели в них ни одного разрыва. Как бы там ни было, Ворчун резко свернул, двигаясь перпендикулярно реке.

Прыжок.

Еще прыжок...

Короткий недовольный рык, которым брат сопровождал очередной длинный скачок, позволивший одним махом перескочить через невесть откуда взявшийся овраг...

Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем впереди стала видна сплетенная из старых веревок преграда. Уже слыша в опасной близости знакомое шипение, я вжался лицом в густой мех. Затаил дыхание, когда Ворчун высоко подпрыгнул. И чуть не прикусил язык, когда после утомительно долгого мгновения ашши благополучно приземлился, оставив сеть за спиной.

Вслед нам донеслось разочарованное шипение.

Я оглянулся и, заметив, что драхт остановился, потрепал Ворчуна по холке. Тот недовольно рыкнул, оглянувшись на бегу. А когда убедился, что преследовать нас никто не собирается, послушно замедлил шаг.

– Ар-р?

– Не знаю, – замедленно отозвался я на вопрос брата. – Но дальше сети он не пошел. Давай проверим, в чем дело?

Брат поколебался, но все же развернулся и не слишком охотно потрусил в обратную сторону.

Драхт и впрямь ждал нас шагах в десяти от того места, где мы перемахнули через сеть. Стоял, подавшись вперед всем телом, но почему-то не делал ни шагу дальше. При этом его голова совершенно отчетливо поворачивалась вслед за нами. Пасть то и дело приоткрывалась, показывая зубы, и тут же снова захлопывалась. Когти на упирающихся в землю пальцах угрожающе шевелились, однако с места тварь так и не сошла. Казалось, отчего бы это, если перебраться через сеть не составляло труда даже человеку? Магии в ней никакой не имелось, я проверил. Плетение обычное, в крупную сетку. Может, драхта материал смутил? Или же веревки были пропитаны ядом?

Осторожно покружив по округе, мы все же приблизились к сетке вплотную и уставились на замершего в неестественной позе монстра.

Странно.

Стоит, зубами щелкает, нас явно увидел, но другой реакции не проявляет. Хотя нет – вон дернуться попытался. И почему-то не смог, словно его держало что-то.

Отъехав немного в сторону, я попытался понять, что за оказия случилась с монстром, но драхт тут же развернулся следом. Тогда я, подумав, спрыгнул на землю и, попросив Ворчуна постоять на месте, двинулся в обход. И вот что странно: стоило нам разделиться, как драхт без малейших колебаний повернул голову в сторону волка. Тогда как на меня не обратил ни малейшего внимания, в том числе и тогда, когда я намеренно пошумел.

Вообще ничего. Ноль, представляете?

– Ворчун, отойди-ка в сторонку, – попросил я, не отрывая взгляда от твари.

Волк фыркнул, но снова послушался.

Драхт тут же сдвинулся, и вот теперь, когда я смог увидеть его в профиль, стало понятно, почему же эта орясина не может сдвинуться с места. Оказывается, в такой неестественной позе его вынуждал находиться... хвост. Да-да, тот самый крысиный отросток, которому я поначалу не придал особого значения. Теперь стало ясно – в отличие от ящеров, использующих хвост в качестве балансира, у драхта эта штука явно была предназначена для других целей. И у первого монстра, и у всех остальных хвосты были всегда опущены и кончиками неизменно касались земли. Это выглядело неестественно. Неправильно. И создавалось впечатление, будто на хвосте висел тяжелый груз.

Я снова задумался.

Интересно, почему тварь не восприняла меня как добычу? На людей, собаку и даже на стрекозу драхты среагировали правильно. Что не так со мной? Или, быть может, надо задать вопрос иначе: что же такого есть у других, чего нет у меня?

Ответ напрашивался сам собой: аура. Во дворце я имитировал чужую, но в лесу магию взять было неоткуда. Все мои потребности покрывала жизненная сила ашши, но на магию она, как ни крути, не тянула. Так что, получается, драхты видели именно ауры? Наверное, для этого и орган специальный есть. Недаром говорили, что маги привлекали внимание драхтов быстрее, чем обычные люди. Но тогда выходит, что твари видят меня, скажем, как дерево? Или столб? И если не делать резких движений, то, наверное, можно подобраться к монстру вплотную?

Оставив Ворчуна отвлекать тварь, я медленно перелез через сетку, а затем двинулся к кошмарнику, обходя его со спины. Шел без спешки. Предельно осторожно. И каждый раз, когда тварь чуть поворачивала голову, замирал, пока она снова не обращала пасть в сторону волка.

Маневр, как ни странно, удался – я подобрался к драхту на расстояние в несколько шагов, а он так и не сообразил, в чем дело. Тогда же стала заметна еще одна странность: оказывается, зеленая нить в ауре твари имела три утолщения. Как нервные узлы у примитивных животных: в основании головы, в районе, где у нас располагается сердце, и в основании хвоста.

Да, хвост я все-таки разглядел полностью и несколько разочаровался, не обнаружив на его кончике никакого груза. Он оказался абсолютно прямым, жестким на вид и был покрыт тесно прилегающими друг к другу черными чешуйками. При этом поза монстра продолжала меня смущать: ни одно нормальное существо не могло так долго сохранять неестественное положение, подавшись вперед всем телом и удерживая вертикальное положение лишь за счет сильных задних лап.

Так, ладно. Пора действовать.

Выудив из-за пазухи нож, я метнул его в тварь. Метил в основание шеи, как давешние воины, останки которых уже переваривались в чужом брюхе. Хорошо наточенный клинок вошел туда, как горячий нож в масло, – до основания, высунув покрытый слизью кончик из передней части шеи. Драфт вздрогнул. Хрипло заклекотал. Но я не зря метил именно в верхний узел ауры, поэтому тварь как стояла, так и рухнула на землю плашмя, обессиленно вытянувшись во весь рост.

Полный паралич. Отлично. Значит, хоть что-то общее у них с нами есть.

Ворчун с любопытством высунул голову из-за дерева и, обнаружив, что враг повержен, лихо перемахнул через ограждение.

– Ближко не подходи, – предупредил я, глянув на ауру твари. – Оно еще живое. Вдруг ядом плюнет?

Драхт захрипел, когда я на пробу пнул носком сапога его напряженный, все еще упирающийся в землю хвост. Удивился, когда не смог сдвинуть его с места. А потом попросту обрубил у самого основания.

С драхтом после этого случились самые настоящие судороги, его хвост тут же обмяк, перестав цепляться за землю, а единственная ниточка в ауре подозрительно полыхнула. После чего ее нижняя часть отделилась и, размазавшись в воздухе, улетела обратно в лес. Да, вот так просто, будто ее кто-то выдернул из тела. А верхняя резко потускнела. И меня это до того поразило, что я машинально попытался ее подхватить, как делал это во дворце. И что самое удивительное, она послушалась! Более того, не просто покинула бьющегося в агонии драхта, но и благополучно втянулась в мою ладонь. После чего монстр так же внезапно замер и больше не шевелился.

Магия, поддерживавшая в драхте жизнь, оказалась весьма необычной. Я действительно ее поглотил, но сказать, что получил удовольствие, не мог. После дворцового изобилия употребление этой субстанции было похоже на безвкусную кашу-размазню, приготовленную ленивой хозяйкой. Но на безрыбье, как говорится...

– Надо же, как интересно, – задумчиво протянул я, уже без особых церемоний пнув драхта в бок.

Тварь даже не дрогнула. А Ворчун, когда я перевернул монстра на спину и принялся осматривать хитин, благоразумно отбежал в сторону. И не зря, потому что очень скоро в лесу отменно засмердело, а у меня появился опыт первого в жизни патолого-анатомического вскрытия.

– М-да-а... – протянул я, оглядев образовавшуюся на земле отчаянно воняющую кучу. – Было бы ради чего пачкать руки...

Брат насмешливо фыркнул из-за деревьев, но не приблизился к туше до тех пор, пока я не вернулся к реке и не отмылся от липкой, слегка опалесцирующей гадости, которая заменяла драхту кровь.

– Итак, что мы имеем? – бросил я, разложив отчищенные от слизи трофеи на берегу. – Это определенно живой организм, способный выполнять примитивные действия. Все, на что его хватает, это находить и пожирать то, что подходит под определение «добыча». При этом добычей он считает все, что имеет хотя бы слабую ауру. Чем аура ярче, тем, вероятно, ее лучше видно, поэтому артефакты в этом лесу и впрямь лучше не использовать.

Присев на корточки, я постучал ногтем по снятой с драхта хитиновой пластинке. Она была гладкой на ощупь, словно лакированной, и очень прочной. Снять ее удалось только благодаря тому, что между собой пластины соединялись чем-то вроде мягкой перепонки. Правда, добраться до нее оказалось непросто, для этого лезвие ножа пришлось загнать довольно глубоко в сочленение между частями панциря, однако как только целостность природного доспеха оказалась нарушена, снять его не составило труда.

Сам хитин мне не удалось повредить даже наконечником валяющегося на берегу копья. А вот защита на горле оказалась менее стойкой, поэтому простой клинок пробил ее без труда. Других уязвимых мест у драхта не оказалось. Подмышки он во время охоты не демонстрировал, а мягкое подхвостье было прикрыто такими же чешуйками, как на горле.

Признаков пола у существа не обнаружилось.

Крепость когтей на верхних и нижних конечностях внушала искреннее уважение.

По поводу ливера я остался в таком же недоумении, как и раньше, а вот черепушку осмотрел более внимательно и выяснил, что мозгом драхту служила та же мерзкая субстанция, что и в брюхе. Проще говоря, думать ему было попросту нечем. И если учесть тот факт, что часть ауры твари ушла куда-то на сторону, а вернее, ее вырвали из еще живого тела, получалось, что драхт – это

хоть и живое, но все-таки не самостоятельное существо. Скорее, часть более высокоорганизованной семьи или колонии, как у муравьев. Причем в этой самой колонии имелись особи, способные влиять на более примитивные создания. И как минимум одна из таких особей нуждалась в притоке магии.

Прямо как я.

Побросав хитин, когти и чешую в мешок, мы с Ворчуном ретировались в лес, постаравшись не оставить после себя читабельных следов. Забросив добычу в логово, снова умчались на разведку. Еще дальше на север, куда сегодня так и не дошла команда из Ойта. До позднего вечера успели исследовать немалую часть восточного берега, наткнувшись на огромное количество воткнутых в землю артефактов. Однако драхтов в этой части леса больше не увидели.

И остановились на ночлег лишь после того, как обнаружили рыбацкую сеть, перегораживающую не только берег, но и реку, и противоположный склон. По-видимому, это означало конец патрулируемой территории и ту самую охраняемую границу, за пределы которой драхты, судя по отсутствию разрывов, пока еще не перебравлись.

Уже в темноте, лежа под боком у шумно дышащего волка, я подумал, что, возможно, та штука, которая «убежала» в лес с полудохлого драхта, была чем-то вроде ментального поводка.

Интересно, то существо, которое им управляло, это что-то вроде матки у пчел? Или же мы имеем дело с группой более продвинутых особей? И возможно ли такое, что через драхтов кто-то еще мог наблюдать за случившейся на берегу Истрицы бойней? Слышать или чувствовать, что происходит с ними? Вроде того, как я когда-то слышал и чувствовал императора...

Печать на груди предупреждающе кольнула, и мои мысли поспешно свернули в другую сторону.

Первое время наличие метки императора всерьез меня беспокоило. Печать – это какая-никакая, но все-таки связь. Да, Карриан никогда не был для меня настоящим хозяином. Однако я вздохнул с облегчением лишь после того, как убедился, что не чувствую ни его эмоций, ни направления, в котором следовало искать его величество. Это значило, что и он ничего не ощущал. И чем дальше я находился от столицы, тем меньше было шансов, что меня отыщут.

За самого Карриана я не переживал. Перстень теперь у него, я официально мертв, так что клеймо позора никогда не ляжет на его безупречную репутацию. Воспоминания, конечно, никуда не делись. Боль и горечь от пережитого тоже не исчезли. Но я умел с ними справляться. Мне не впервой собирать себя по кускам. В каком-то смысле той ночью я действительно умер. Тогда как он... он будет жить дальше. Надеюсь, что долго и хорошо. И еще я надеюсь, что через некоторое время в один из храмов все-таки придет подходящая девушка. Они встретятся, влюбятся, нарожают детишек, и династия Орианов продолжится, как и много раз до этого.

Заговор мы опять же раскрыли. Личности обученных Дирром теней, правда, так и остались загадкой, но теперь, когда граф эль Нойра попал под подозрение, его контакты наверняка отследят. Надеюсь, что установят и связь с эль Саром, и с краденым а-иридитом. А если нет, то на крайний случай у императора по-прежнему есть Гириан и другие тени, которых герцог наверняка уже поставил во дворец в нужном количестве. А еще есть Тейт. Зиль. Арх. Нерт. И те из парней, кого Тизару все-таки удалось спасти.

В империи тоже все спокойно. Верфи строятся, отношения с соседями укрепляются. По дороге в Карраг я даже слышал, что уже сделаны первые шаги по налаживанию связей с ашеярами, так что и с этой стороны стране ничего не грозит. Внутренних конфликтов пока не назревало. Про бунты и прочие пакости император не слышал уже три года. Так что по большому счету я был ему не нужен. А обо всем остальном очень старался не думать, чтобы не тревожить лишний раз печать и не дать себе повод усомниться.

– «Спи, – зевнул Ворчун, положив голову мне на плечо. – Нет повода для тревоги».

Я закрыл глаза.

Да, поводов действительно не было. Но печати оказалось мало того факта, что я честно исполнил свой долг перед империей, на протяжении целого месяца она регулярно напоминала о содеянном. То без причин обжигала грудь, словно мстя за что-то. То снова замолкала, будто все же прощала. Порой будила ни с того ни с сего. Ныла, тревожила. Временами раскалялась настолько, что казалось – вот-вот прожжет грудь насквозь. Особенно в первые дни, когда я ощущал боль даже сквозь транс, часами скрипел из-за этого зубами и был готов на все, лишь бы это остановить.

Не знаю, с чего уж она бесилась. То ли оттого, что считала, будто я все-таки предал императора. То ли полагала, что не исполнил его волю до конца. Черт ее разберет. Однако со временем мне стало легче, боль постепенно отступила. Печать перестала остервенело жечь мне грудь, а магически наведенное изображение наконец-то исчезло с кожи, будто ему надоело меня терроризировать.

Еще через пару дней после этого ко мне вернулся спокойный сон. На смену горечи и сожалению пришел знакомый холодок, не раз спасавший меня от отчаяния. Я наконец вспомнил, кто я есть. Ожил, встряхнулся, испытанным способом избавившись от эмоций. Еще через неделю приступы стали редкими и не такими тяжелыми, как раньше. А потом и вовсе сошли на нет.

И вот теперь эта сволочь снова проснулась.

«Не убила сразу, так теперь молчи», – посоветовал ей мысленно, потеряв отчаянно ноющую грудь.

Печать, как ни странно, заткнулась. А я с облегчением вздохнул и провалился в глубокий сон, в котором, к счастью, не было сновидений.

Глава 3

На протяжении следующих двух недель я наблюдал за жизнью крепости Ойт и анализировал полученную информацию.

Как оказалось, разъезды на западном берегу воины делали ежедневно, а вот на восточный заглядывали раз в неделю, за исключением случаев, когда отправленная в дозор команда встречалась с драхтом или не возвращалась вовсе. В таких ситуациях на маршрут сразу выдвигался усиленный магами отряд человек в десять. Место нападения тщательно осматривалось. Окрестности в обязательном порядке проверялись вплоть до расставленных в лесу сетей. И в течение последующих нескольких дней местность усиленно патрулировалась, что, как оказалось, было нелишним. Уже на следующий день после нападения в том же районе, где погиб дозор, прямо с рассвета паслось сразу пять тварей.

Причем не у кромки воды, а возле второй линии артефактов.

Хорошо еще, что они появились не так давно, и в момент, когда их обнаружили, находились под действием магического дурмана. Отряд, разделившись на две команды, расправился с драхтами поодиночке – одни убивали, вторые прикрывали им спины. При этом пока одному кошмарнику спутывали ноги, а затем торопливо добивали копьями, остальные твари не двигались, всецело поглощенные артефактом. Но думаю, что если бы магия в набалдашнике закончилась раньше, воинам пришлось бы туго.

Собственно, они и так едва не опоздали: когда одна команда уже заканчивала расчленять четвертого из пятерых драхтов, артефакт все-таки погас, и последняя тварь некстати очнулась. Но стоящий поблизости маг не сплеховал – достав из-за пазухи плотно закрытую шкатулку, он выудил оттуда ярко полыхающий артефакт, похожий на такой же набалдашник, только побольше, и швырнул твари в морду.

Драхт, перехватив подарок, снова впал в прострацию. Воины тем временем закончили разделывать его собрата. Затем умело обездвжили и пришибли пребывающего в ступоре последнего монстра. Тщательно обыскали окрестности. Пока они собирали трофеи и полоскали хитин в реке, маги восполнили высосанную драхтами магию в «тростях». Забрали из когтей твари загадочный артефакт, снова спрятав в шкатулку. И только после этого отряд направился дальше.

Мы с Ворчуном проследили за ними вплоть до конечной точки маршрута, заодно убедившись, что дальше ни твари, ни воины действительно не суются. А еще я обратил внимание, что маги использовали в своей защите довольно много белых нитей. По сути, снаружи их ауры были опутаны таким коконом, который делал чародеев похожими на простых смертных. Вблизи такие уловки, конечно, смотрелись нелепо. Но кто знает? Может, на драхтах они работали? Как и шкатулки. Я ведь видел – в отрядах, регулярно уезжающих на запад, маги имелись всегда. И раз уж они день за днем благополучно возвращались, получалось, что эти примитивные фокусы давали эффект.

О том, почему восточные леса охранялись не так тщательно, гадать тоже не приходилось. Более редкие патрули, отсутствие магов в дозорах, все это позволяло предположить, что в этой части Истрицких лесов было поспокойнее. А если драхты и перебирались через реку, то застревали либо на первой, либо на

второй, либо на третьей полосе препятствий в виде наполненных магией артефактов. И уже там их благополучно убивали.

За жизнью в самой крепости я тоже понаблюдал. На всякий случай запомнил время смены караульных и сроки прихода караванов. Узнал, что с наступлением темноты патрульные с запада всегда возвращались в крепость, тогда как восточные, напротив, иногда задерживались в лесу допоздна. В этом случае в крепость отсылали с запиской собаку, которую в обязательном порядке отправляли в каждый такой дозор.

Меня наличие псов несколько напрягало: чуткий собачий нос мог в любой момент обнаружить наше присутствие. Однако, когда это действительно случилось и сторожевой пес вдруг замер, повернув голову в сторону нашего с Ворчуном убежища, я машинально коснулся его мыслью, как и оцетинившегося волка:

– «Тише, брат. Не надо шуметь. Мы не враги».

Собака, удивленно присев, и впрямь промолчала, а потом, поколебавшись, двинулась дальше. Люди тоже проехали мимо. Ворчун тихонько фыркнул. А я с облегчением вздохнул, потому что убивать ни в чем не повинного пса у меня не было никакого желания.

Когда с восточной частью леса все стало более или менее ясно, мы начали делать вылазки и на западный берег. Сперва вдали от привычных маршрутов дозорных. На север, за пределами огороженного сетями пространства. И поскольку на том берегу сети тянулись перпендикулярно реке всего лишь жалкие полкилометра, то уже оттуда мы начали забирать южнее, аккуратно разведывая территорию.

Как оказалось, артефакты с непонятной магией были понатыканы с этой стороны еще гуще, чем на востоке. Причем чем ближе к воде, тем плотнее стояли «трости». Вероятно, это была последняя заградительная полоса, способная задержать ненасытных тварей, не дав перебраться на противоположный берег. А драхтов здесь было много. Не в пример больше, чем на восточном берегу. Они бродили по лесу поодиночке и группами – медлительные, рассеянные и ленивые. Рядом с рекой обычно притормаживали, иногда собираясь вокруг артефактов по шесть – восемь штук. Когда магия в

набалдашнике заканчивалась, они так же неторопливо разбредались, периодически застревая у соседних артефактов. Временами, как мне показалось, даже спали на ходу. Но вся эта леность и размеренность немедленно пропадали, стоило тварям увидеть нечто живое.

Как-то раз мне довелось наблюдать, как одна такая стая напала на дозорный отряд, чуть-чуть не успевший к месту их сборища. Картина была жуткой: несущиеся во весь опор монстры, отчаянно ржущие кони, сдавленная ругань, которая разносилась особенно громко в неестественно притихшем лесу. Но парни не сплеховали. Вместо того чтобы сбиться в кучу, они, напротив, рассыпались вдоль берега и, выудив из карманов уже знакомые мне шкатулки, просто закидали несущихся во весь опор драхтов напоенными магией артефактами.

После этого атака захлебнулась, кошмарики застопорились, и их довольно быстро перебили. А я смог своими глазами убедиться, что перед смертью от каждого драхта в лес точно так же, как от убитой мной твари, убегал зеленый огонек. Вернее, порой это был даже не огонек, а самая настоящая дорожка.

Что самое интересное: направление, в котором сбегали огоньки, не всегда совпадали. Порой оборванный поводок исчезал в северном направлении. От каких-то особей, наоборот, его затягивало южнее. И это заставляло предположить наличие нескольких кукловодов. Но для получения более точных сведений нужно было пробежаться по лесу самому.

– На этот раз ты со мной не пойдешь, – сказал я Ворчуну, когда мы добрались до примеченного заранее места метрах в семистах от западного берега Истрицы и примерно в сотне шагов от границы охраняемой территории. Время было раннее, я успел перекусить, вымыться и побриться. Брат даже на охоту сходил в соседний лесок, где еще оставалась дичь, но настроение его от этого не улучшилось. – В одиночку я заберусь гораздо дальше.

Волк недовольно заворчал и цапнул меня зубами за рукав. Но взять его с собой означало неминуемо привлечь внимание. А я хотел пробраться к логову хотя бы одного кукловода незамеченным. И, узнав все необходимое, так же тихо оттуда свалить.

– Так надо, брат, – хлопнул я Ворчуна по боку. После чего развернулся и, закинув за плечи полупустой мешок, углубился в подозрительно молчаливый, по-осеннему желтый лес.

Двигался шагом. На случай, если наткнусь на драхтов и мне понадобится срочно замереть. Деревья поначалу стояли очень плотно, то и дело царапая друг друга длинными ветками. Небо над кронами просматривалось плохо. Пахло влагой, хвоей и перепрелой листвой. Но чем дальше я забирал на юго-запад, тем явственнее редел лес. Солнце все чаще припекало мою обросшую макушку. Затем под ногами появились первые островки мха. А когда подо мхом зачавкала вода, стало ясно, что впереди меня ждет болото.

Не горя желанием забираться в трясину, я попытался обогнуть ее с востока, но вскоре стало ясно, что болото тянется на многие рисанны в обе стороны и мне все-таки придется намочить сапоги.

Здесь же, на границе, я натолкнулся на группу бродящих между деревьями драхтов. Друг на друга они внимания не обращали. В мою сторону тоже не смотрели. Но, памятуя о том, как шустро среагировала тварь на собаку, я предпочел остановиться, а затем медленно-медленно двинулся в обход, стараясь держаться рядом с деревьями.

Маневр прошел успешно – я благополучно миновал тварей и прошел дальше. Но минут через двадцать наткнулся еще на одну группу. Затем на третью, четвертую... И очень скоро был вынужден всерьез задуматься: а стоит ли рисковать? Сейчас драхты бродили в прямой видимости друг от друга. Стоило привлечь внимание одного, как неладное тут же заметят и остальные. А это без малого штук двадцать кошмариков, способных перемещаться со скоростью Ворчуна и без труда разрывающих когтями стальную кольчугу.

Прикинув так и этак, я все же решил не бросать дело на полпути и двинулся дальше, прикрываясь теперь не деревьями, а самими драхтами. Выбрав того, что топал в нужном мне направлении, я пристроился за ним шагах в четырех. И прямо так, след в след, добрался до следующего кошмарика. После чего аккуратно сошел с вытоптанной тварью тропы, сменил «поводыря» и пошел уже за ним, стараясь имитировать движения твари, чтобы остальные приняли меня за своего.

Не знаю уж, как они различали друг друга и понимали ли вообще, что в стаю затесался посторонний, однако таким макаром я прошел почти половину рисанна, прежде чем случилось непредвиденное: идущий передо мной драхт вдруг ни с того ни с сего остановился. А затем без предупреждения развернулся и решительно двинулся в обратную сторону.

Вот же уродище... Какого, спрашивается, хрена его сюда понесло?

Мой взгляд лихорадочно заметался по сторонам, но деваться было некуда. Отпрыгивать с тропы опасно – резким движением я мог привлечь внимание. Пятиться назад тоже не выход – драхт мог сделать еще какую-нибудь глупость или резко ускориться. В сторону уйти я не успевал. Оставалось только замереть на месте, прикинуться дубом и изобразить руками колышущуюся от ветра крону... Тьфу! Идиотизм, конечно. Но куда деваться? Встал и изобразил, чувствуя себя дебилом. Стою тут, понимаешь, руками размахиваю, как на детском утреннике, и думаю: сожрут – не сожрут...

Признаться, когда массивная тварь оказалась на расстоянии вытянутой руки, у меня на лбу выступила испарина, а сердце на мгновение дало сбой. Однако драхт, как ни удивительно, прошлепал мимо. И даже башки не повернул, интересуясь, откуда на тропе взялось странное дерево, которого еще минуту назад там не было.

– Да чтоб ты провалился, козлиная зубастая, – с чувством прошептал я в спину удаляющемуся чудовищу и, вытерев струящийся по лицу пот, медленно опустил руки. А затем отвернулся и, настороженно поглядывая по сторонам, двинулся по освободившейся тропке дальше. В надежде, что ходячее, злое как черт и тихонько матерящееся «дерево» не вызовет у драхтов особого удивления.

Второй опасный момент случился рисанна через полтора, когда слоняющихся без дела тварей стало гораздо больше. Их были десятки, если не сотни. Уродливые фигуры виднелись буквально за каждым кустом, у каждой кочки. Они молча стояли, будто задумавшись или уснув на месте. Иногда сидели, воткнув хвосты в землю, как гаджеты на подзарядке. Бродили туда и сюда без всякой цели. Иногда замирали на середине движения. Когда-то, наоборот, ускорялись, будто что-то почуяв. И всякий раз я был вынужден срочно что-то придумывать, чтобы не столкнуться с ними лоб в лоб. Пару раз даже опускался на корточки, прикидываясь трухлявым пнем. Но даже это не гарантировало успеха, потому что внезапно ускорившийся драхт мог врезаться в попавшееся на пути

препятствие и, снеся его на полном ходу, умчаться вдаль, даже не поинтересовавшись, что это там упало.

Увидев однажды, как это происходит, я поостерегся имитировать неживые предметы и в дальнейшем старался убраться с пути тварей заранее. Но один раз мне не повезло – я оказался на пути сразу у трех драхтов, которые не только двигались цепочкой на небольшом расстоянии друг от друга, но и были явно возбуждены, потому что довольно активно махали клешнями и издавали угрожающее шипение.

Что именно их взбудоражило, я не понял – с виду ничего в лесу не изменилось. Да и я вроде нигде не накосячил. Однако драхты продолжали целеустремленно двигаться в мою сторону. Более того, еще через миг волнение прошло по всей округе, после чего огромная, почти в сотню голов, стая внезапно снялась с места и в едином порыве рванула на юго-запад, будто получив неслышный приказ.

Честное слово, поначалу я даже решил, что мне крышка, и потянулся за оружием. Однако вовремя заметил, что морды тварей повернуты в другую сторону, и отступил к ближайшему деревцу. А потом вообще вскарабкался по тонкому стволу вверх, чтобы уже оттуда оглядеть встрепенувшуюся стаю, которая так же внезапно перешла на бег.

Зрелище, надо сказать, было незабываемым. Когда целая куча драхтов вдруг в едином порыве падает на четвереньки и стремглав уносится прочь – это, скажу я вам, пробирает до дрожи. Поневоле хочется посочувствовать тем, на кого они открыли охоту. Впрочем, как я уже сказал, драхты не всегда разбирались, куда несутся, и по закону подлости ну просто не могло не случиться так, чтобы один из них на полном ходу не врезался в приютившее меня деревце.

От удара во все стороны брызнули щепки, драхт удивленно хрюкнул, а несчастный ствол буквально сложился пополам. Меня, естественно, оттуда скинуло, причем на редкость неудачно – прямо на холку клыкастому вредителю. И чтобы он не погреб меня под собой, пришлось обеими руками вцепиться в его тощую шею. При этом от неожиданности я, вероятно, упустил контроль над собственным даром, поэтому контакт у нас вышел, что называется, полным. Иными словами, я вытянул из твари всю энергию, которая в ней была. Драхт из-за этого споткнулся. Озадаченно крякнул. Но тут его лапы подогнулись. Внезапно потерявшая равновесие тварь с размаху грохнулась вниз, проехавшись пузом по влажной земле. А я, естественно, кубарем скатился с этой орясины,

умудрившись порвать об нее штаны, и знатно впечатался мордой в какую-то корягу.

Каким образом несущиеся, словно стадо мамонтов, драхты не сбили меня с ног, не растоптали и не покусали, даже сказать не берусь. Это было настоящее чудо. А когда дробный топот затих вдали, я потряс гудящей башкой и, поднявшись на четвереньки, с недоумением воззрился на не подающую признаков жизни тушу.

Бли-и-ин... Если жизнь в твари поддерживалась только магией, то какого черта я так долго таился? Неужто так было можно? Без мечей, без копий, сваливать их с ног одним легким прикосновением, да еще и самому при этом подпитываться? Мать моя Рам! Да если постараться, я тут такой драхто-геноцид могу устроить...

Хм.

Кажется, наш дражайший император неправильно использует имеющиеся в его распоряжении ресурсы. Пригони он сюда не злостных преступников, а девочек-прелестниц из Хада, и все поголовье тварей можно было бы истребить на раз-два. Пройдясь по болоту в своих белых платьицах, дарру вычистили бы его за неделю!

Ну а пока их нет, этим придется заняться мне. Так что держитесь, твари, я иду! И горе тем, кто попадется мне на пути.

Придя в себя и оценив причиненный драхтом ущерб, я пришел к выводу, что бежать за остальной стаей и выяснять, что там у них случилось, нет смысла – без Ворчуна я их при всем желании не догоню. Зато путь вперед оказался свободен, так что я решил двигаться в прежнем направлении, намереваясь до темноты если не вернуться, то хотя бы получить максимум информации.

Убитого драхта трогать не стал – пожалел времени. Если что, на обратном пути его «раздену», а если протухнет, то и черт с ним.

Еще часа полтора меня никто не тревожил, так что, в конце концов, с быстрого шага я перешел на бег. Но потом вода под ногами зачавкала явственнее, сапоги начали проваливаться в мох все глубже, и скорость передвижения резко упала.

Особенно когда на пути стали попадаться большие коричневые лужи, в которых можно было запросто утонуть с головой.

На мое счастье, драхты, похоже, частенько бродили по этим кочкам и успели вытоптать целую сеть тропок, на которых можно было чувствовать себя в безопасности. Если уж под этими тушами мох не разошелся, значит, и меня тоже выдержит. Другое дело, что вокруг стало ощутимо пованивать, из-за чего я вскоре был вынужден обмотать лицо влажной тряпкой. От запаха она, конечно, не спасала, но чисто субъективно стало полегче.

Наконец, когда дорогу перегородила очередная здоровенная лужа, а повисший в воздухе запас тухлых яиц стал непереносим, я в некотором недоумении остановился: все тропки в округе вели именно сюда. Да, прямо в лужу, словно под водой находился портал в другое измерение и время от времени выплевывал на Тальрам уродливых монстров. Более того, на протяжении нескольких минут я всерьез рассматривал эту мысль как правдивую, потому что, глянув на лужу вторым зрением, обнаружил, что в ней на глубине трех метров от поверхности находится нечто довольно крупное, неподвижное и имеющее достаточно яркую салатовую ауру.

Артефакт? Живое существо? Просто сгусток магии, оставшийся тут со времен древних войн?

На глаз я не смог определить, с чем именно столкнулся. А исследовать загадочный объект помешал быстро приближающийся топот множества ног, который заставил меня поспешно оглядеться в поисках укрытия.

Увы. Рядом с лужей не нашлось ни одного подходящего дерева, на которое я мог бы взобраться. Несколько пней, вот-вот готовых развалиться от старости, поваленное бревно шагах в сорока от воды... вот, пожалуй, и все варианты. Но не стоять же посреди болота?

Вздыхнув, я все же выбрал бревно и, отойдя от лужи, занял выжидательную позицию.

Драхты появились секунд через тридцать после того, как я замер возле здоровенного, густо поросшего мхом ствола. Руками на этот раз размахивать не стал – ветер давно стих и даже у соседних кустиков ветки не шевелились. Но

стая и без того не обратила на меня внимания, потому что целенаправленно ринулась к луже и, обступив ее, припала на четвереньки, будто религиозные фанатики, вознамерившиеся вознести молитву своему жестокому богу. При этом на многих тварях была кровь. У некоторых пуза провисли до самой земли. У кого-то явственно проступила аура, словно твари от души напились магии или, что вернее, сожрали парочку артефактов. А может, и магов в придачу. Те же драхты, что добрались до лужи последними, и вовсе волокли за собой посторонние предметы, среди которых я с удивлением признал рваную конскую упряжь, обломки копий, фрагменты тел (видимо, те, что не влезли в драхтов) и несколько более или менее целых трупов, облаченных в однотипные доспехи.

Да уж, не повезло ребятам... Это уже второй отряд за полторы недели, который драхты ухайдакали, считай, у меня на глазах. Причем на этот раз народу в дозоре было больше обычного: я насчитал шесть трупов, двадцать восемь разнообразных фрагментов и небезосновательно предполагал, что кого-то твари все-таки съели. Такими темпами в крепости людей-то скоро не останется. Интересно, на чем они прокололись? И где именно случилась бойня? Стая отсутствовала около полутора часов. Минут сорок ходу туда, еще столько же обратно... Видать, здорово парни шумели, раз драхты ринулись за ними в такую даль. И вот еще вопрос: почему они сожрали не всех? И для чего притащили с собой совершенно несъедобные вещи?

Впрочем, довольно скоро я получил ответ на оба вопроса. Прибывшие последними драхты подтащили добычу к луже и проворно нырнули, уволакивая добро на глубину. Людские трупы почему-то не взяли – бросили прямо на тропе. Зато те драхты, что успели перекусить на поле боя, одновременно изогнули спины и отрыгнули полупереваренные останки в воду. Причем, судя по тому, что из их глоток фонтаном вылилась уже знакомая мне бело-зеленая каша, над телами успела хорошенько поработать кислота.

Пока я гадал, что к чему, вода в луже заволновалась, забурлила, а та салатная штука на глубине вдруг шевельнулась, исторгнув из себя огромный воздушный пузырь.

Когда он вынырнул на поверхность, над болотом раздался гулкий хлопок и у меня аж дыхание перехватило от разлившейся в воздухе несусветной вони. Господи, дезодорант бы сюда какой... или освежитель, хоть самый дешевый... так же не только задохнуться, но и ослепнуть можно! Понятно теперь, почему у драхтов нет ни глаз, ни носов.

В этот самый момент один из брошенных на тропе трупов внезапно шевельнулся.

Честное слово, меня мороз по коже продрал, когда у покрытого кровью, слизью, землей и черт знает чем еще тела вдруг согнулась рука. На мгновение я подумал – показалось. Потом решил, что это посмертный рефлекс, потому что ауры у тела определенно не было. Наконец, когда скрюченные пальцы отчетливо заскребли мох, а под доспехами дернулась грудная клетка, я едва не решил, что драхты и впрямь подсадили туда личинку «чужого»: без ауры оживший воин выглядел жутко. Ровно до тех пор, пока из-под спутанных, почти полностью закрывших лицо волос не раздался судорожный вздох, а следом за ним не послышался сдавленный возглас:

– Да вашу ж чешуйчатую мать... Чтоб вы сдохли, уроды вонючие!

Я во все глаза уставился на вяло шевельнувшегося воина. Кольчуга на груди разодрана, ноги в крови и наверняка сломаны, одна рука повисла плетью, но... Черт возьми! Он и впрямь оказался живой!

Метнув быстрый взгляд на лужу, куда успела нырнуть добрая треть драхтов, я плавным движением опустился на корточки, после чего подполз к раненому и, ладонью закрыв чужаку рот, велел:

– Замри.

На меня из-под грязных волос с диковатым выражением уставился карий глаз. Самый обычный, человеческий, несмотря на отсутствие ауры. Мельком коснувшись незнакомца, я на пробу вытянул из него капельку энергии, но тут же убедился: действительно обычный смертный. Даже не маг. Тем более не дарру, как я едва не решил поначалу.

Обхватив чужака под мышки, я медленно поволок необычного гостя поближе к бревну, стараясь не привлекать внимания драхтов. Парень дернулся, захрипел от боли, но поглощенные созерцанием вонючих болотных вод драхты не отреагировали. И только когда я доволок раненого до места, один из них обернулся, дернул хвостом, а затем целеустремленно потопал в нашу сторону.

Не знаю, насколько хорош был у парня обзор – с рассеченным лбом, вспухшей скулой и заплывшим глазом вряд ли он мог достаточно ориентироваться, но замерли мы с ним одновременно. Драхт тем временем добрался до ближайшего тела, цапнул его за ногу и, притащив мертвеца к луже, скинул в воду. Следом за первой от основной группы отделилось еще несколько тварей, которые схватили остальные тела и точно так же пожертвовали их тому, что скрывалось в болоте.

Лужа при этом знакомо всколыхнулась. Непонятная тварь в глубине выпустила наружу еще один вонючий пузырь. Затем под поверхностью воды промелькнуло белесоватое тело, болото снова забурлило, заволновалось. После чего с чавканьем поглотило подношение и успокоилось.

Улучив момент, я подтащил раненого вплотную к бревну, уложил вдоль мшистого ствола и замер в надежде, что нас примут за часть естественного ландшафта.

Не прокатило.

Не обнаружив последнего трупа на положенном месте, явившийся за ним драхт – кстати, с проявленной аурой и зелененький, как вонючий клоп, – недовольно зашипел и закрутил башкой в поисках пропажи. Парень рядом со мной даже дышать перестал, когда чудовище, все-таки определившись с направлением, шумно потопало в нашу сторону. И чем ему бревно не понравилось? Подумаешь, толще стало. Раньше тварей это не смущало. Меня вон в упор не видели. А теперь, выходит, научились?

Прокляв про себя тупую тварь, я дождался, когда она подойдет вплотную. А когда та протянула лапу, крепко ее пожал и одним махом вытянул из драхта энергию. Сильному дарру хватает и секунды, чтобы опустошить среднестатистического мага, так что тварь даже квакнуть не успела, как ее лапы подогнулись, аура погасла, и здоровенная туша всей массой грохнулась прямо на нас.

К счастью, свалилась она поперек бревна, а не вдоль, поэтому при падении никто не пострадал. Ну как никто... Меня, естественно, не задело. А вот незнакомому парню клыкастый зубопотам ногу все-таки придавил, так что бедняга от боли потерял сознание. Зато я успел заметить, как из хвостового утолщения в ауре драхта вылетел крохотный зеленый огонек и устремился... да-

да, прямо в лужу, тем самым дав мне понять, кто именно помог драхту нас обнаружить.

Выглянув из-за трупа, я бросил на болото прицельный взгляд.

Что ж, выходит, именно там скрывается неведомый кукловод?

Думаю, не ошибусь, если предположу, что все драхты из этой стаи являются его марионетками. Сколько их осталось наверху? Полсотни? Очень удобное приобретение – они для тебя охотятся, охраняют территорию. Сторожевые собачки, которых ты, тварюга вонючая, держишь на коротком поводке.

Болото тем временем снова заволновалось. Аура прятавшегося там существа коротко вспыхнула. От нее, как сигналы по нервам, пробежало несколько огоньков к застывшим у кромки воды драхтам, и те одновременно обернулись в нашу сторону.

Я растянул губы в злой усмешке, когда твари поднялись с земли и двинулись к бревну. Все правильно. Хозяин потерял одного из своих псов в опасной близости от логова и тут же дал команду другим, чтобы разобрались, в чем дело.

Ладно. Идите, родимые. Я вас жду...

Минуты через две рядом с первым драхтом на землю опустилось еще три трупа. Я, к собственной радости, немного восполнил резервы. Почувствовал прилив сил. Отдохнул. Даже порадовался, что все так обернулось. После чего, не дожидаясь от неведомой твари новой команды, сам пополз к луже, по пути нагло забирая у всех встречных драхтов магию и жизнь.

Последний месяц выдался трудным – пополнить резервы почти не удавалось. В города мы уже две недели не заглядывали, да и до этого я успел порядком истощиться. А обесточивать чужие артефакты не рискнул. От звериного голода меня пока еще спасал Ворчун, но на сколько его хватит? А тут вон – целая куча ходячей еды! Да неужели я побрезгую драхтами, даже если на вкус они как первые поварские эксперименты Тальи?

«Кар, тебе точно надо прислать сюда команду голодных дарру, – подумал я, выпив досуха очередную попавшуюся на пути тварь. – И империи польза, и маги в безопасности. А если девчонок еще и обучить, как положено, из них такой отряд смерти получится, что закачаешься!»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Желтень – первый месяц осени.

2

Бола (болас, болеадорас) от исп. bola – «шар» – охотничье метательное оружие, состоящее из ремня или связки ремней, к концам которых привязаны обернутые кожей круглые камни.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lisina_aleksandra/mar-mech-imperatora

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)